

© 2010 г. М.В. ЗЕЛИКОВ

АЛЛОКУТИВ КАК ВЫРАЖЕНИЕ СПЕЦИФИКИ СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В БАСКСКОМ ЯЗЫКЕ

*Посвящается светлой памяти
первого отечественного басколога –
Юрия Владимировича Зыцаря*

Статья посвящена обзору работ, в которых исследуются синтетические аллокутивные формы баскского глагола. Как показывает анализ содержащегося в них материала, образование некоторых моделей аллокутивного спряжения связано с ключевыми особенностями феноменологии субъектно-объектных отношений баскского, а также иберо-романского предложения.

Многочисленные вопросы, связанные с происхождением, статусом и функционированием вербальных единиц, несмотря на достаточно долгую традицию их изучения, в баскологии нельзя считать хоть сколько-нибудь исчерпанными. Так, например, до сих пор дискуссионным является положение об отношении друг к другу двух серий спряжения корневого глагола *izan* 'быть' и, в частности, *da* 'он(а) есть' и *du* 'он(а) имеет'. Это же касается и проблемы аналитических аллокутивных форм, оказавшейся объектом внимания Ю.В. Адаскиной [Адаскина 2008], которая в самом начале статьи несколько поспешно утверждает, что в работах на русском языке баскский аллокутив не анализировался никогда [Адаскина 2008: 85]. Действительно, о том, что аллокутив, рассматриваемый автором как «экзотическая категория», есть явление согласования глагола с «неаргументом», на русском языке не писал еще никто. Однако к анализу морфем *-k* и *-n* в синтетических формах аллокутива (*dakark* 'ты его приносишь, мужчина' и *dakarn* 'ты его приносишь, женщина') еще в 1945 г. обратился Л.И. Жирков. Аллокутивные формы составляют одну из особенностей категории баскского глагола и, в частности, в системе его спряжения, смысл которой в «объединении человека с тем, к кому он обращается в стиле интимной речи» [Жирков 1945].

Говоря о специфике аллокутива, Ю.В. Адаскина использует термин «доверительный» регистр общения, заимствуя его из подготовленной к печати работы деютирующих басковедов А.В. Архипова и Г.А. Нуждина, долженствующей появиться, как сообщается, в серии «Языки мира». Учитывая вышеупомянутую «экзотичность» баскского и связанную с ней неосведомленность в сфере баскологических изысканий вообще, не лишне было бы сказать, как это сделал в комментарии к одной из специальных статей Р. Лафона [Lafon 1959] Ю.В. Зыцарь, что термин «аллокутив» (баск. *Alokutiboa*) происходит от латинского *allocutor* 'собеседник', поскольку весь смысл этих форм, их *raison d'être* состоит «в призывании собеседника в свидетели» [Зыцарь 1984: 146]. Э. Леви в своей знаменитой монографии называет эти формы «вокативными» [Lewy 1964: 30]. Еще ранее, в статье «Введение в баскскую современность», Зыцарь, рассматривая некоторые особенности «апеллятивно-аллокутивного ряда в баскском спряжении», писал о его утрате в американском варианте баскского [Зыцарь 1980: 204–205]. Комментируя другую статью Лафона [Lafon 1960] и скромно называя себя переводчиком, Зыцарь обращает внимание читателей на то, что деление показателей на маркеры мужского и женского рода имеется только во 2-м л. ед. ч., с которым наиболее связаны обращения

к собеседнику (а обращение у басков пронизывает все устное общение), является свидетельством позднего (по сравнению с другими показателями) прихода суффиксов *-g*, *-k*, *-n* в данное лицо (в спряжение вообще) из сферы имен-обращений при глаголе. Элемент *-n* здесь был раньше просто словом женщина, ср. баск. *ne-ska* 'девушка', а элемент **-g* словом 'мужчина', ср., возможно, баск. *giz-on* [Зыцарь 1984: 202].

Знакомство с этой гипотезой (которую, как это зачастую оказывается в баскологии, трудно как доказать, так и опровергнуть) и вообще с русским изданием основных статей Лафона, посвященных морфологическим и синтаксическим аспектам системы баскского глагола (в дальнейшем – БГ), могло бы, несомненно, оказаться полезным для басковедов новой волны, анализирующих БГ преимущественно в рамках типологического и генеративного подходов. На наш взгляд, мнение Ю.В. Зыцаря о том, что «современная баскология остается прежде всего баскологией Р. Лафона» [Зыцарь 1984: 4–5], справедливо и сегодня. Тем не менее, обращаясь к феномену аллокутива, «обсуждая анализ, при котором аллокутив встраивается в аргументную структуру глагола, так как при доверительном диалоге адресат речевого сообщения становится дискурсивным топиком» [Адаскина 2008: 85], Ю.В. Адаскина упоминает только две работы французского ученого, в которых исследуется эта особенность баскского спряжения [Lafon 1957; 1959], из имеющихся, как минимум, шести (см. также [Lafon 1954; 1955; 1960; 1967]), но при этом совершенно их не рассматривает. Как представляется, недостаточное внимание к научному наследию Лафона, равно как и к материалу, содержащемуся в трудах других «традиционных» баскологов (ср., например [Echaide 1944; Ygizar 1947; 1948]), в которых исследуются ключевые особенности выражения баскской процессуальности, явилось причиной некоторых искажений, которые можно отметить в безусловно важной для развития типологического языкознания статье Ю.В. Адаскиной. Кроме того, экспликация важных фактов, впервые приводящихся в отечественной баскологии, безусловно, могла бы оказаться более стройной и понятной, если бы автор осуществил их рассмотрение в контексте главенствующего критерия субъектно-объектных отношений, играющих «центральную роль в лингвистической теории в целом» [Климов 1983: 18]. Одним из ярких феноменов, выражающих специфику этой универсальной категории в баскском (а шире – в иберо-романских языках) и являются, собственно, формы синтетического и аналитического аллокутива.

Вышеизложенное предопределяет структуру двух первых разделов нашей статьи, в которых говорится о ключевых особенностях выражения процессуальности в баскском языке (далес – БЯ), а также выявляется специфика субъектно-объектных отношений, выражаемая, в частности, формами аллокутива. В разделе 3 исследуется возможность баскского влияния на формирование феноменологии субъектно-объектных отношений иберо-романского предложения. Ближайшие типологические параллели баскского аллокутива рассматриваются в разделе 4.

1. ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОСТИ В БЯ

Рассматривая вспомогательный глагол **edun* 'иметь', Ю.В. Адаскина в сноске указывает, что это «несуществующая в современном языке форма инфинитива» (выделение наше. – М. З.) [Адаскина 2008: 87]. Между тем хорошо известно¹, что традиционно в БЯ глаголы называются по своей причастной форме. Ср. например, толкование *edun*, данное в словаре [Elhuyar 1996: 153]: «Гипотетическое причастие, которому соответствуют спрягаемые формы *du*, *zuen*, *nau*, *ninduen* и т. д.». Таким образом, *edun* 'иметь', *izan* 'быть', *esan* 'сказать', *eraman* 'приносить', *il* 'убивать, умирать' и др. лишь условно соответствуют, например, русским и испанским инфинитивам *иметь / tener*, *быть / ser*, *сказать / decir*, *приносить / llevar*, *умирать, убивать / morir*, и перево-

¹ Собственно, и автор упомянутой статьи глоссирует *-n*, *-i* как PVF «перфектив» (а не INF) и в основном тексте статьи пишет, что аналитические формы состоят из причастия и спрягаемого вспомогательного глагола [Адаскина 2008].

дить их, безусловно, следует² как *имевший / tenido, бывший / sido, сказавший / dicho, принесенный / llevado, умерший, убитый / muerto*³. Что касается «инфинитива», то настоящий термин в баскском может использоваться только в кавычках: в БЯ не существует (и никогда не существовало!) форм, аналогичных, например, инфинитиву и.-е. языков. Традиционное и общеизвестное представление о БГ сводится к оперированию четырьмя формами: причастной или адъективно-глагольной (*etorri* 'пришедший'), корневой (*etorr*), герундиальной или наречно-вербальной (*etortzen* 'приходящий') и футуральной (*etorriko*). По мнению некоторых грамматистов, «настоящим баскским инфинитивом» является корневая форма. «Еще сегодня, как представляется, в некоторых зонах Наварры, при вопросе, как выражается в баскском 'видеть', 'иметь' и т. д., отвечают "ikus, har и т. д."» [Villasante 1980: 189]. Тем не менее, эти формы, представляющие основу, которая напрямую не относится к глаголу, могут употребляться без вспомогательного глагола также со значением императива, инфинитива или «повествовательного инфинитива» (как и в испанском) [Lafon, 1967; Зеликов 1990: 112–113; 2005: 392] и, думается, являются предшественниками инфинитивных образований, соответствуя синкретичным глагольно-именным (*Verbalnomina / Nomenverba*) или «безотносительным» (по А.А. Потебне) корням, хорошо известным в древних языках Малой Азии. Ближе всего функционально к инфинитивам и.-е. типа в БЯ форма отглагольного имени *etor-tze* 'прихождение', составляющая основу третьей, герундиальной формы (*etor-tze-n*), образующейся, собственно, как отглагольное имя, стоящее в местном падеже: 'в приходе'. Она аналогична функционирующей вместо также несуществующего инфинитива форме отглагольного имени в кельтских языках и локативным образованиям «бриттского» типа в английских моделях *V + pr + N* (*They will be in answer* 'Они ответят', букв. 'Они будут в ответе').

Об «инфинитивных» характеристиках отглагольного имени в баскском (в частности, о способности к субстантивации и употреблении со всеми предлогами) см. [Zélikov 1988; Зеликов 1990: 108–109]. Ср. например, диалектное функционирование последнего в генитивных конструкциях в «чистом виде»: *Nik txakurraren hiltze* 'Я убиваю собаку', букв. 'Мною / мес (= Я-эрг.) собаки убивание' [Heath 1972; Зеликов 1990: 113].

Обычным способом функционирования отглагольных имен, которым принадлежит ведущая роль в выражении процессуальности в БЯ, является присоединение к ним различных маркеров: артикля, мн. ч. и всех падежей (аналогично функционированию инфинитива со всеми предлогами в иберо-романских языках). Ср.: *Ez du merezi joate-a* 'Не стоит ходить', букв. 'Не имеет заслуги хождение'. Маркер *-a* (в *joate-a*) является обычным постпозитивным артиклем. В связи с этим вызывает недоумение интерпретация *-a* в субстантивированном отглагольном имени *esa-te-a* 'сказание' как абсолютива (сказать-NM-ABS [Адаскина 2008: 95]), что в данном случае совершенно недостаточно для объяснения реального статуса интерпретируемой формы. Об «абсолютивной» функции можно говорить только в отношении склонения существительных. Ср. например: *gizona – gizonak* (абсолютив) ≠ *gizonak – gizonek* (эргатив) 'человек – люди'. Что касается примеров с *-a* с отглагольным именем, то их следует трактовать как один из многочисленных способов номинализации. Так, например, *Egite-a dauka* (русск. «Сделать и точка!») точно соответствует испанской фразе с субстантивированным инфинитивом: *Tiene el hacerlo* (букв. *Hacer-el lo tiene. – М. 3.*) [Villasante 1980: 194]. Л. Вильясанте при этом трактует настоящий модизм как компрессивное образование, сопоставляя его с семантически полным испанским соответствием: *Tiene un expediente muy sencillo: (hay que. – М. 3.) hacerlo, y (puedes dar el. – М. 3.) asunto (por. – М. 3.) concluido* 'Способ очень прост: (надо) сделать это, и вопрос исчерпан'. Факт отсутствия в БЯ «классических» субъектно-(предикатно)-объектных отношений при выражении обычной и.-е.

² Однако далее при указании значения баскского глагола будет употребляться русский инфинитив, традиционно используемый как словарная форма.

³ О неуместности номинации этих причастных форм инфинитивами см. например [Villasante 1980: 189]: «el participio... aunque impropriamente se llama a veces infinitivo».

процессуальности, исторически связанный с бессубъектным, безличным (безличным-эргативным) характером БГ, следствием чего является невозможность образования активно-пассивной диатезы, хорошо известен в баскологии. См. [Wagner 1978: 37, 52, 55–57]. О возможности представления процесса в БЯ «самого по себе» без ориентации по отношению к его участникам писал еще А. Мартине [Martinet 1958: 391]. О феномене «базового» предложения здесь говорит Г. Бретшнайдер [Bretschneider 1981: 232]. Ср.: *Urak irakiten duenean gatsa botatzen zaio* 'Когда кипит вода, следует бросить соль', букв. 'Вода (эрг.) в-кипании есть-когда соль в-бросании ей-есть'. При этом *ura-k* 'вода' здесь, как справедливо замечает Л. Мичелена, и субъект, и объект одновременно [Mitxelena 1977: 262].

Как показывает материал, глагольно-именная синкретичность, эксплицируемая именными формами при выражении процессуальности, проявляется следующим образом.

1. В аналитических глагольных образованиях. В их числе – модели отглагольного имени, также использующегося со всеми падежами, о котором речь шла выше. В свою очередь, отглагольное имя в локативе используется для выражения «настоящего» времени (*ikus-te-n dut* 'в-видении я-это-имею'), в то время как «прошедшее» время образуется комбинацией с участием «причастной» формы, а «будущее» – в основном добавлением к последней маркера *-ko / -go* (*ikusi dut* 'увиденным я-это-имею' и *ikusiko dut* 'увиденным я-это-буду-иметь' соответственно). Ср. также *Joan naiz* (спряжение в серии *izan*) 'Я ушел', верно трактуемое Мичеленой как 'От-ушедшего я-есть' (= исп. *Soy de ido*) [Mitxelena 1977: 252]⁴.

Кроме того, «причастная» форма также легко субстантивируется: *Nik hiri erran-a* 'То, что я тебе сказал' буквально трактуется Х. Вагнером как 'Я (эрг.) тебе сказанное' [Wagner 1978: 47].

2. В именных образованиях, корпус которых составляют аналитические конструкции *N + Vpers* (Ср.: *Irakasle bat behar da* 'Требуется учитель', букв. 'Учитель один необходимость есть'; *Lotan dago* 'Он спит', букв. 'Во сне он находится'), а также предикативные конструкции с субстантивными / атрибутивными (наречными и адъективными) единицами. Так, например, *laster* в строке из старинной сулетинской «Песни о Беретеррече» (рыцаре из группировки сеньора Граммона) *Marisantzen lasterra / Bostmendietan behera!*, безусловно, выражает процесс: 'Как бежит Марисантц / вниз из Пятигорья', букв. '(Какой быстрый) бег⁵ Марисантц' (= исп. *¡Qué carrera la de Marisantz!*) [EGIPV 1969: 76]. Ср. также «именную» трактовку Ю.В. Зыцарем синтетических форм аллокутива: *na-kar-k* (от *ekarri* 'приносить') 'ты меня несешь (мужчина)', букв. 'Я в-несении у тебя / тобой есть' [Zytzar 1994: 390].

Отмечая следы синкретичного состояния глагола и имени, Г.А. Климов, в частности, указал на то, что их «тесная связь... находит выражение в том факте, что они обслуживаются в значительной степени этимологически общими морфологическими средствами» [Климов 1972: 7]. Глагольно-именной синкретизм, которому обычно сопутствует нейтральность «глагольных» форм в отношении залога, отмечается в шумерском [Дьяконов 1979: 24; Wagner 1978: 56], этрусском [Паллотино 1976: 369], во многих кавказских языках [Шмальштиг 1988: 271–272], в тибетском [Wagner 1978: 52], дравидийских [Fawkes 1991: 29] и др. То же состояние постулируется и для древних и.-е.

⁴ Трактовка предикативного ядра баскского предложения как *S-Vpers-(O)* всегда воспринималась в баскологии как условная. Эволюция взглядов на именной характер вербального составляющего (не 'ушел', а 'хождение', 'ушедший') шла в направлении отхода от «пассивной концепции "переходного" БГ», которой придерживались пионеры баскологии (Г. Шухардт, А. Тромбетти, Х. Гавель, Ж. Лякомб, а также, в своих первых работах, Р. Лафон). Возобладовавшая, начиная с исследования о принципиальной невозможности пассивной и вообще залоговой трансформации (см. [Lafon 1971; Zytzar 1978] и др.), точка зрения в настоящее время является определяющей. Подробнее см. [Зеликов 1990].

⁵ *Laster*, помимо субстантивного значения 'бег, ход, курс', также имеет адвербиальное ('вскоре, затем, тотчас') и адъективное ('быстрый') [Elhuyar 1996: 404; DEV VII: 318].

языков [Шмальштиг 1988: 263–275]. Об этимологическом «неразличении» глагольных корней, которые могут использоваться как существительные или прилагательные в широком «средиземноморском» контексте (баскский, иберский, лигурийский, язык гуанчей, кавказские, дравидийские), в середине XX века писал Н. Лаговари [Lahovary 1954: 21]. Большую роль в разработке важнейших категорий, сконструированных сознанием прелогического человека, и, в частности, слитности субъекта и объекта и неразличении пассива и актива сыграли исследования представителей Санкт-Петербургской (Ленинградской) филологической школы А.Н. Веселовского. Здесь, в одном ряду с Н.Я. Марром и О.М. Фрейденберг, можно назвать имя С.Л. Быховской, которой Г.А. Климов отводил новаторскую роль в исследовании ранних этапов эволюции категории залога [Климов 1981: 55] и которой, среди прочего, удалось обнаружить существенные особенности баскского глагольного сказуемого [Быховская 1931: 5; Климов 1983: 175].

2. КОНФИГУРАЦИЯ СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ВЫРАЖАЕМАЯ ФОРМАМИ АЛЛОКУТИВА

Описывая глагольные формы БЯ, содержащие аллокутив, Ю.В. Адаскина отмечает лишь то, что они «практически маркированы, что выражается дополнительной морфемой... в составе вспомогательного глагола» [Адаскина 2008: 84]. Существенное отличие вспомогательных глаголов «нейтрального» (*Ekaitz Ordiziara joan da*) и двух аллокутивных предложений (*Ekaitz Ordiziara joan duk/dun*) при этом не фиксируется. Ни верный приблизительный, но грамматический перевод, оказывающийся одинаковым для всех трех предложений («Экайц уехал в Ордисию»), ни глоссирование [Там же] сути исследуемого феномена не отражают. А она состоит в том, что вспомогательный глагол в аллокутивных предложениях (*du-k* и *du-n*), в отличие от вспомогательного глагола *da* (3-е л. ед. ч. от *izan* «быть»), представляет собой 3-е л. ед. ч. гипотетического причастия **edun* и, как уже давно определено в баскологии, «является не чем иным, как формой глагола “иметь” с агенсом 2-го л. ед. ч., означающим “ты-его-имеешь” (мужчина – *duk*, женщина – *dun*. – М. 3.)» [Lafon 1959: 108]. Впервые об этом в конце XIX в. написал Г. Шухардт [Schuchardt 1893: 10]. Таким образом, учитывая все вышесказанное об именном статусе баскской процессуальности, аллокутивные предложения, которые буквально следует переводить как «Экайца в-Ордисию уехавшим ты-имеешь (мужчина) / (женщина)», имеют синтаксическую конфигурацию, отличную от высказывания в нейтральном регистре – «Экайц в-Ордисию уехавший-есть». Аналогично должны трактоваться и многие другие примеры, приводимые Ю.В. Адаскиной.

Как пишет Р. Лафон, «употребление форм глагола ‘иметь’ с агенсом 2-го л. ед. ч. на месте форм глагола ‘быть’ (указывающее на глубокое структурное отличие БЯ при выражении конфигурации субъектно-объектных отношений, предполагающее использование «субъектно-объектных» моделей вместо «субъектных». – М. 3.) является особым случаем более широкой практики, не имеющей отношения к аллокутивному спряжению»: *nor zaitut? / nor zaitugu?* «кто Вы?» (букв. «кем Вас имею?» / «кем Вас имеем?»), *hor dut / hor dugu* «он там», (букв. «я его имею там» / «мы его имеем там»), *semea nun duzu?* «где Ваш сын?» (букв. «где Вы имеете сына?»); *semea apheza dute* «их сын священник» (букв. «они имеют сына священником»). В поэме Августа Эчеверри из Сары (XIX в.) «Отступник» читаем: *Non zaituztet, mendi urdin, chirripa, ithurriak?*⁶ «Где вы, мои горы синие, родники и ручьи?» (букв. «Где вас-имею-я горы синие...?»).

Идея бытия, существования таким образом заменяется идеей обладания (синкретичность ‘иметь’ как ‘быть у кого-то’, хорошо исследованная во многих языках), что имеет свои истоки в сфере общения, в сфере субъектно-объектных отношений. Первая выражается по-баскски с помощью глагола, имеющего при себе подлежащее в имени-

⁶ Приведем более древний пример с **edun* из сулетинской «Песни о Беретеррече»: *Hik bahiena semerik / Bereterretxez besterik? / Ezpeldoï altian dūn hilik* [EGIPV: 76] «У тебя (есть) какой-нибудь сын / кроме Беретеррече? / Рядом с Эшпельдой он находится (букв. ‘его-ты(женщина)-имеешь мертвым’).

тельном падеже, т. е. субъектно. Вторая – с помощью глагола, при котором имеется пациенс и агенс, т. е. субъектно-объектно (см. [Lafon 1959: 108–109])⁷.

Следовательно, при образовании высказываний, в которых используются формы с **edun*, в том числе и аллокутивны, происходит синтаксическая трансформация субъектно-(предикатно)-объектных отношений, эксплицируемая моделями с реальным (тип ‘ты его утопленным имешь’ = ‘ты его утопил’) или фиктивным агенсом (тип ‘я его там имею’ = ‘он находится там’; аллокутивный тип ‘ты (мужчина / женщина) его утопленным имешь’ = ‘он утопился’), а не просто, как это часто утверждается (и, в частности, Ю.В. Адаскиной) происходит процесс смены корневого гласного глагола (т. е. *a > u*) [Адаскина 2008: 90], являющийся, таким образом, не причиной, а следствием.

Примечательно, что от трактовки **edun* как ‘иметь’ при объяснении специфики баскских предикативных конструкций не отказываются даже современные баскологично-генеративисты. Ср.: *Miren eta Mikel lagunak ditut*, которое переводится двояко ‘Miren and Mikel are my friends / I have Miren and Mikel (as) friends’, а сама модель с *ditut* (‘Я-их-имею’) называется «типичной для баскского» [Ortiz de Urbina, Uribe-Etxebarria 1991: 1002], являясь при этом, безусловно, совершенно нетипичной, в свою очередь, для языка перевода – английского⁸. В этой связи трудно признать состоятельной точку зрения Т. Вилбура, который, безоговорочно принимая положения популярной в 70-е гг. «Граматики падежей» Ч. Филлмора, отвергает интерпретацию Шухардта форм *duk, dun, duzu* как ‘ты-имеешь-это’. Основываясь на, безусловно, верном факте отсутствия разделения БГ по принципу «переходности / непереходности», а также на сходстве конкретных парадигм *izan* и **edun*, говорящем об их возможном морфологическом неразличении, которое отстаивал еще аббат Инчауспе [Inchauspé 1858] (см. также [Зеликов 1979: 46–48]), калифорнийский грамматист при этом упускает из виду, что реальным структурно-синтаксическим соответствием баск. *Oihanean galdu du* в английском является не *He lost it in the woods* ‘Он потерял это в лесу’ [Wilbur 1970: 60–62], а *He has lost it in the woods* ‘Он имеет это потерянным в лесу’.

О трансформации «обычных» субъектно-объектных отношений в баскском свидетельствуют и особенности синтетических форм типа *nakark* ‘ты меня несешь’, букв. ‘я (есть) в несении тобой (мужчиной)’, о которых говорилось выше в связи с феноменом глагольно-именного синкретизма как основе выражения процессуальности в БЯ.

3. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МОДЕЛЕЙ С ГЛАГОЛОМ ОБЛАДАНИЯ В ИБЕРО-РОМАНСКОМ АРЕАЛЕ

Как свидетельствует конкретный эмпирический материал, глагол с семантикой обладания составляет в языках Европы особую изоглоссу, противопоставленную конструкциям с экзистенциальным глаголом. Лучше всего она представлена в иберо-романском ареале и **наибольшим** свособразием отличается в испанском, в котором образования с *haber* и *tener* отмечены уже в самых ранних памятниках.

⁷ То же – в примерах с омонимией, на которую указывает Р. Лафон в [Lafon 1959]: если присоединить *duk* к причастию прошедшего времени *itho* ‘утопленный’, то полученное *itho duk* будет, следовательно, означать, смотря по обстоятельствам, ‘ты его утопил’ (*duk* здесь форма глагола ‘иметь’) или ‘он был утоплен’, ‘он утопился’ (*duk* в таком случае – аллокутивная форма от глагола ‘быть’, заимствованная из числа форм глагола ‘иметь’), что, следовательно, на наш взгляд, также допускает трактовку, аналогичную первому варианту, но, в отличие от него, с фиктивным агенсом и с **обязательным** опущением местоимения 2-го лица: в первом случае возможно добавление *hik* (эрг. п. от местоимения *hi*), во втором случае это невозможно.

⁸ О синкретической сущности *izan*, связанной с его интерпретацией как ‘иметь’, свидетельствует трактовка, осуществленная Б. Эсторнесом Ласой: *Gizon ori nere aita dut* как ‘Человек этот мой отец, я его-мне-имею (= исп. *hémelo*)’, а *Gizon ori nere aita da* – как ‘Человек этот мой отец **имеется** (= исп. *hase*)’. Также отмечается, что первоначально эти предложения в испанской передаче (*Ese hombre «habérmelo» mi padre*) являлись равнозначными. Ср. также *izan naiz* как исп. *sido soy* (*he sido*), а *izan dut* ‘я-это-имел’ как исп. *sido lo he, lo he habido* [Estornes Lasa 1967: 233].

Так, в «Поэме о Сиде»: ...*ovieron la corneja diestra... oviéronla siniestra* [Cid 1977: 11–13] ‘...увидели ворону справа... увидели ее слева’, переведенное А. Рейесом на современный испанский ‘...*vieron la corneja al lado derecho... la vieron por el lado izquierdo*’ [Reyes 1977: 43], буквально означает ‘...имели ворону справа... имели ее слева’. О древнем использовании *tener* свидетельствует пример из «Харджей»: *que no me tenis al-niyya* (= ‘*que no me tienes ley*’) ‘что ты меня не любишь’ [Alvar 1960: 14].

Многочисленные примеры субъектно-объектных моделей предложений с *tener* с реальным и фиктивным агенсом, не находящие параллелей в других романских языках (даже в границах Пиренейского полуострова), безусловно, указывают на то, что в истоках феномена мы сталкиваемся с одним из ярких результатов субстратной интерференции с языком басков, к проблеме которой мы обращались в [Зеликов 1990]. Приведем лишь некоторые из них.

С фиктивным агенсом: *Aquí tengo a mi amigo ≠ Aquí está mi amigo* ‘Здесь находится мой друг’ = баск. *Nire laguna hemen dut* (букв. ‘Мой друг здесь его-имею-я’). Ср. также в «Песне о Беретеррече»: *Hiri semia bizi bada, Mauliala dūn juanik* [EGIVP: 76] ‘Если твой сын (еще) жив, то он находится в Мулеоне’ (букв. ‘Ты (женщина) имеешь-его идущим в Мулеон’). То же в болсе поздней наваррской песне «Leixibatxua» («Щёлок»), представляющей амебейную композицию: в ответной строке куплета глагол обладания (фиктивного агенса) зевгматически опущен: – *Semeak nun utxi dituzu, andra gaztea? / – Eskolak erakusten, aita prailea* ‘– Сыновей где оставленными имеешь, молодая хозяйка? / – Уроки учат, святой отец’ (букв. ‘Уроки в-учении имею-их оставленными’).

С реальным агенсом: *Illabete osoa da itxien naukala (naukan)* ‘Он ждет меня уже целый месяц’, букв. ‘...в-ожидании меня-имеет-что’), что точно соответствует релятивной испанской модели: *Hace un mes que me tiene en espera*. Одним из самых старых памятников баскского языка является куплет, написанный на бискайском диалекте и чудесным образом попавший в одну из многочисленных комедий Лопе де Веги «Los gamilletes de Madrid» (1615): *Zure begi ederrok / Ene lastená / Katiba-turik nabe⁹ / Liberea ninzaná*, соответствующий в испанском *Cara y ojos hermosos* (букв. ‘Ваши глаза красивые’) / *Amada mía* ‘Любимая моя’ / *Me tienes cautivo* (точнее, *me tienen cautivo*, букв. ‘Пленным меня-имеют’) / *Siendo libre* ‘Когда я свободен’ [EGIPV 1969: 74]. То же в «Поэме о Сиде» в субъектно-объектной конструкции предложного *haber* с существительным (*haber* + *prep* + N.S.): *el rey he en ira* (букв. ‘Короля имею в гневе’) в придаточном предложении: *Daquí quito Castiella, pues el rey he en ira* (букв. ‘Отсюда покидаю Кастилию, т. к. короля имею в гневе’), переведенного на современный язык со сменой субъектно-объектных отношений: *La ira del rey me destierra de Castilla* ‘Гнев короля изгоняет меня из Кастилии’ [Reyes 1977: 61]. В этом случае *haber* коррелирует с *estar*: *El rey está irritado conmigo* ‘Король гневается на меня’. Модели с **edun* в комбинации с прилагательным обычны в баскском и в тех случаях, когда субъектное (каузальное) воздействие на одушевленный объект исключается. Ср.: *Ta gaxotik zenduen anaia?* ‘И брат, который болел?’ (букв. ‘И больным ты-имел-его-которого брат’ = исп. *¿Y el hermano que estaba enfermo?*), букв. *¿Y el enfermo que – tenías el hermano?*), имеющее полное соответствие в Эстремадуре: *porque le tengo malo* [Alvar 1960: 243] ‘Потому что он у меня болеет’ = исп. *Porque él está malo*. Шире о баскских параллелях, а также о беспрецедентной парадигме моделей с *tener* в испанском языке см. [Зеликов 2005: 171–174; в печати]. Как показывает приведенный материал, странные предположения об обратном романском влиянии на баскский, могут квалифицироваться лишь как безосновательные. **Edun* – не только участник обычного выражения баскской процессуальности, но и частотнейший формант, участвующий в субстантивном и адъективном словообразовании. Так, собственно, самоназвание баск составляет словосложение *Euskal-dun* (букв. ‘(человек) баскский-имеет-который’). Компрессивная модель N + 3-е л. ед. ч.

⁹ *nabe* – бискайская форма, в которой *be* – является маркером 3-го л. мн. ч. Ср. анализ биск. *dabe*, осуществленный еще в 1935 году С.Л. Быховской: *da-u-te > da-u-e → da-b-e* ‘то (da-) имеют (-b-e) (они)’ [Быховская 1935: 183].

*EDUN / UKAN + -n (релят. частица) является весьма продуктивной в баскском и часто не имеет прямых адъективно-субстантивных романских или русских соответствий. Ср.: *bizardun* = исп. *barbudo* 'бородач' (← *bizardun gizon bat* ← *bizarre daukan (duen) gizon bat* [Azkue 1969: 361], т. е. 'бороду-который-имеет человек'). Аналогичным образом устроены *bibotedun* = исп. *bigotudo* 'усач, усатый', *dirudun* = исп. *adinerado* 'богач, богатый', *haurdun* = исп. (*mujer*) *embarazada* 'беременная (женщина)', *hiztun* = исп. *hablante, hablado(r)* 'говорящий, болтун', *betaurrekodun* = исп. (*persona*) *que tiene gafas* 'очкарик' и многие другие слова.

4. О ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ

Рассматривая типологические параллели баскского аллокутивного спряжения, Ю.В. Адаскина приводит примеры из японского, романских, багвалинского и русского, однако вне сферы внимания Ю.В. Адаскиной остается и попытка Х. Вагнера сравнить баскские аллокутивные («вокативные») формы с кельтскими (сев.-валлийскими) глагольными частицами *əki, oxi, ixi* 'для тебя' [Wagner 1959: 103].

Интерпретируя романские параллели, автор цитирует примеры из работ генеративных авторов (Y. Simpson, U. Withgott, B. Ouharçabal). К этому списку следовало бы добавить и статью [Guiter 1985], в которой в качестве ближайшей параллели баск. *esango dizkiot* 'я ему их скажу' рассматривается зафиксированное в южных говорах (Монпелье, Перпиньян) *Je te les lui dirai moi à Pierre ses quatre vérités!* = *Je dirai à Pierre ses quatre vérités* 'Я скажу Пьеру всю правду'. Избыточное местоимение 1-го лица *moi* является точным структурным соответствием нормативного (постпозиционного) баскского *-t*.

Что касается галисийского языка, о котором в связи с возможными типологическими параллелями Ю.В. Адаскина только говорит без указания примеров, то его материал в ракурсе исследуемой проблемы представляет, как можно предположить, наибольший интерес. Здесь, помимо конструкций этического датива, который содержится в древнем памятнике полуострова «Песнопениях во славу Девы Марии», написанном в середине XIII века Альфонсом X Мудрым (...*que me non moira de fame* [Villanueva 1977: 38] '...чтобы он у меня не умер от голода'), составляя самобытную черту современного галисийского языка, существует так называемый «датов солидарности», использующийся как форма вежливого обращения к реципиенту. Ср.: *non che* (2-е л. ед. ч.) *van a dar nada aos fillos* = исп. *no te van a dar nada a los hijos* (букв. 'ничего тебе не дадут детям'); *doicheme a cabeza* = исп. *me (te) duele la cabeza* (букв. 'мне (тебе) болит голова') [Carballo Calero 1974: 275]. Интерпретируя сущность настоящих моделей, внимание к которым впервые в отечественной романистике было привлечено Б.П. Нарумовым [Нарумов 1987: 120–121], мы предположили, что в основе их формирования лежит компрессивное опущение глагола говорения [Зеликов 2005: 354], что, учитывая давнюю трактовку баскского аллокутивного высказывания Л.И. Жирковым *ni Bayonarat nabilak* как 'о ты, мужчина, я тебе говорю: я иду в Байону' [Жирков 1945], по-видимому, могло бы рассматриваться как вполне допустимое. Кроме того, как справедливо отметил Р. Лафон, употребление аллокутивных форм зависит от «позиции говорящего по отношению к собеседнику и... возможно... в высказывании, где что-то утверждается или отрицается...» [Lafon 1959: 112]. А. Лопес Гарсия, отмечающий сходство галисийских и испанских высказываний с этическим дативом (галис. *non nos saia de aquí* = исп. *no nos salga de aquí* 'он у нас никуда отсюда не выйдет') с баскским, подчеркивает тот факт, что «в баскском, особенно в фамильярном спряжении, этический датив выражается инфигированием маркера *ki-* в глагольную форму: *natorki-zu* 'я к тебе прихожу'» [López García 1985: 403]¹⁰.

¹⁰ Попутно отметим, что некоторые дативные образования, так или иначе связанные с «пиренейским» леизмом, являются в испанскими специфизмами, т. е. не имеют параллелей в других романских и даже иберо-романских языках. Ср. *Le echaré el vistazo a la calle* 'Я взгляну (букв. 'Ему брошу взгляд на улицу'), нет ли его на улице'. Ближайшим структурно-семантическим

Отдельный интерес представляют возможные когнаты баскских аллокутивных показателей в других языках. В литературе по этому поводу был высказан ряд гипотез. Так, Г. фон дер Габелентц в связи с баск. *-k* (м. р.) и *-n* (ж. р.) указал на берберские (кабийские) (*-kai*, *-ka*; *-m*), египетские (*-k*) и коптские (*-k*) параллели [Gabelentz 1894: 41], А. Тромбетти – на берб. *ke-m*, *še-m* ‘ты (ж. р.)’ [Trombetti 1925: 86].

В 60-х гг. XX века австрийский басколог М. Мукаровски в рамках исследования «евросахарского» языкового единства отметил егип. *kw* (м. р.), *tm* (ж. р.), хауса *kai* (м. р.), *kee* (ж. р.), берб. *kiyyi* (м. р.), *ketmi* (ж. р.), а также *-(a)k* (м. р.), *-(a)m* (ж. р.) [Mukarovsky 1966: 140; 1967: 90], указанные в «Курсе берберского языка (кабийские говоры)» А. Бассетом. Ср.: *yur-ək* (м. р.), *yur-əm* (ж. р.) ‘у тебя / ты имеешь’ [Basset 1937: 52]; *inna-y-ak* ‘он тебе сказал’, *inna-y-am* ‘она тебе сказала’ [Там же: 53]. То же – в притяжательных моделях: *i-n-ak* (м. р.) ‘твоя’, *i-n-əm* (ж. р.) ‘твоя’ (= фр. *ce de toi*) [Там же: 76], см. также [Tovar 1997: 165].

Изложенный материал, эксплицирующий некоторые особенности статуса форм баскского спряжения, составляет лишь небольшой фрагмент фонда достижений отечественной и зарубежной баскологии, который, как представляется, мог бы оказаться полезным лингвистам, занимающимся баскским языком сегодня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аласкина 2008 – Ю.В. Аласкина. Аллокутивные формы баскского глагола // ВЯ. 2008. № 5.
Быховская 1931 – С.Л. Быховская. К вопросу о трансформации языка // Доклады АН СССР. 1931. № 4.
Быховская 1935 – С.Л. Быховская. Показатели множественности как классовые показатели в грузинском и баскском языках. Академия наук академику Н.Я. Марру. Л., 1935.
Дьяконов 1979 – И.М. Дьяконов. Шумерский язык. Языки Азии и Африки. Т. 3. М., 1979.
Жирков 1945 – Л.И. Жирков. Проблема языка басков // Известия АН СССР. Т. 4. Вып. 3/4. 1945.
Зеликов 1979 – М.В. Зеликов. Синтаксис вспомогательного глагола в баскском языке и его иберороманские параллели // Синтаксис испанского языка и инженерная лингвистика. Л., 1979.
Зеликов 1990 – М.В. Зеликов. Эргативные параллели в баскском и иберороманском предложении // ВЯ. 1990. № 1.
Зеликов 2005 – М.В. Зеликов. Компрессия как фактор структуры и функционирования иберороманских языков. СПб., 2005.
Зеликов, в печати – М.В. Зеликов. Функциональная парадигма глагола обладания в испанском и португальском языках // Сборник статей, посвящ. памяти Е.М. Вольф. В печати.
Зыцарь 1980 – Ю.В. Зыцарь. Введение в баскскую современность // Литературная Грузия. 1980. № 2.
Зыцарь 1984 – Ю.В. Зыцарь. Предисловие // Р. Лафон. Система баскского глагола. Тбилиси, 1984.
Климов 1972 – Г.А. Климов. К характеристике языков активного строя // ВЯ. 1972. № 4.
Климов 1981 – Г.А. Климов. Типологические исследования в СССР (20–40-е гг.). М., 1981.
Климов 1983 – Г.А. Климов. Принципы контенсивной типологии. М., 1983.
Нарумов 1987 – Б.П. Нарумов. Формирование романских литературных языков. Современный галисийский язык. М., 1987.

соответствием в русском, очевидно, могла бы быть генитивная модель: ‘Я посмотрю (нет ли) его на улице’. Ср. также: *El otro... extendía (el vestido) a lo largo del cuerpo (de Lucita), cubriendo la cabeza... Las piernas le quedaban todavía al descubierto* [Jagata 1982: 306] ‘Второй (жандарм)... накрыл платьем Луситу с головой... Ноги оно не прикрывало’ [Харама 1983: 296]. Как представляется, перевод дативного фрагмента (*le quedaban*) может быть осуществлен в двух вариантах: ‘Ее (ген.) ноги еще оставались неприкрытыми’ (неотчуждаемая принадлежность) и ‘Ему еще оставалось прикрыть ей ноги / Ноги он ей еще не прикрыл’ (отчуждаемая принадлежность и смена субъекта). К вопросу о своеобразии некоторых дативных моделей, объясняющих специфику субъектно-объектных отношений в баскском и иберо-романском предложении, мы уже обращались в [Зеликов 1990].

- Паллотино 1976 – *М. Паллотино*. Проблема этрусского языка. Тайны древних письмен. М., 1976.
- Харама 1983 – *Р. Санчес Ферлосио*. Харама. М., 1983.
- Шмальштиг 1988 – *В. Шмальштиг*. Морфология глагола // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 21. 1988.
- Alvar 1960 – *М. Alvar*. Textos hispánicos dialectales. Antología histórica // Revista de filología española. Anjo 73. 1960.
- Azkue 1969 – *R.M. Azkue*. Morfología vasca. Bilbao, 1969.
- Basset 1937 – *A. Basset*. Cours de berbère (Parlers de la Kabylie). Paris, 1937.
- Bretschneider 1981 – *G. Bretschneider*. Euskara, hizkuntzen tipologia, ta hizkuntza unibertsalak. Euskalarien nazioarteko jardunaldiak. Bilbao, 1981.
- Carballo Calera 1974 – *R. Carballo Calera*. La constitución del gallego como lengua escrita // Verba. V. 1. 1974.
- Cid 1977 – Anónimo Cantar del Cid. Madrid, 1977.
- DEV VII – *M. Agud, A. Tovar*. Diccionario etimológico vasco // Anejos del anuario del seminario de filología vasca «Julio de Urquijo». XXXVII. T. VII. San Sebastián, 1995.
- Echaide 1944 – *J.M. Echaide*. Desarrollo de las conjugaciones perifrásticas y sintéticas, respetuosas y familiares. San Sebastián, 1944.
- EGIPV 1969 – Enciclopedia general ilustrada del País Vasco. Artc. Lengua. Literatura. V. I. San Sebastián, 1969.
- Elhuyar 1996 – Eskara-gaztelania hiztegia. Usurbil, 1996.
- Estornes Lasa 1967 – *B. Estornes Lasa*. Sobre historia y origen de la lengua vasca. San Sebastián, 1967.
- Fawkes 1991 – *R.A. Fawkes*. Verbal noun as equivalent of finible verb in Welsh // Word. V. 42. 1991. № 1.
- Gabelentz 1894 – *G. von Gabelentz*. Die Verwandtschaft des Baskaischen mit den Berbersprachen Nordafrikas. Braunschweig, 1894.
- Guiter 1985 – *A. Guiter*. A propos de redondance pronominale // Revue de linguistique romane. T. 49. 1985.
- Heath 1972 – *J. Heath*. Genetivization in Northern Basque complement clauses // Anuario del seminario de la filología vasca «Julio de Urquijo». T. VI. 1972.
- Inchauspé 1858 – *E. Inchauspé*. Le verbe basque. Paris, 1858.
- Jarama 1982 – *R. Sánchez Ferlosio*. El Jarama. Madrid, 1982.
- Lafon 1954 – *R. Lafon*. Comportement syntaxique, structure et diathèse du verbe basque // Bulletin de la société de linguistique de Paris. V. 50. F. 1. 1954.
- Lafon 1955 – *R. Lafon*. Remarques complémentaires sur la structure du verbe basque // Bulletin de la société de linguistique de Paris. V. 51. F. 1. 1955.
- Lafon 1957 – *R. Lafon*. Remarques sur l'emploi du masculin et du féminin en basque // Via Domitia. 1957. № 4.
- Lafon 1959 – *R. Lafon*. Place de la 2e personne de singulier dans la conjugaison basque // Bulletin de la société de linguistique de Paris. V. 54. 1959.
- Lafon 1960 – *R. Lafon*. L'expression de l'action en basque // Bulletin de la société de linguistique de Paris. V. 55. 1960.
- Lafon 1967 – *R. Lafon*. La catégorie de la personne dans le système du nom en basque // Pirineos. 1967. № 83–86.
- Lafon 1971 – *R. Lafon*. Ergatif et passif en Basque et en Géorgien // Bulletin de la société de linguistique de Paris. V. 66. F. 1. 1971.
- Lahovary 1954 – *N. Lahovary*. Substrat linguistique méditerranéen, basque et dravidien. Substrat et langues classiques // Archivo per Alto Adige. V. 68. 1954.
- Lewy 1964 – *E. Lewy*. Der Bau der europäischen Sprachen. Tübingen, 1964.
- López García 1985 – *A. López García*. Concordancias gramaticales entre el castellano y el euskera // Philologia Hispaniensa. In onorem M. Alvar. T. 2. Madrid, 1985.
- Martinet 1958 – *A. Martinet*. La construction ergative et les structures élémentaires de l'énoncé // Journal de psychologie normale et pathologique. 1958.
- Mitxelena 1977 – *L. Mitxelena*. Notas sobre compuestos verbales vascos // Revista de la dialectología y tradiciones populares. № 33. 1977.
- Mukarovsky 1966 – *M. Mukarovsky*. Über den Grundwortschatz des Euro-Saharanischen // Mitteilungen zur Kulturkunde. I. 1966.
- Mukarovsky 1967 – *M. Mukarovsky*. Langues apparentées au Chamito-sémitique // GLECS. 1967. № 11.

- Ortiz de Urbina, Uribe-Etxebarria. 1991 – *J. Ortiz de Urbina, M. Uribe-Etxebarria*. Participial predication in Basque // *Memoriae L. Mitxelena Magistri Sacrum. Pars Altera*. San Sebastián, 1991.
- Reyes 1977 – *A. Reyes*. Prosificación moderna del Cantar del Cid. Madrid, 1977.
- Schuchardt 1893 – *H. Schuchardt*. Baskische Studien I. Über die Entstehung der Bezugsformen des baskischen Zeitworts in Zenschriften der Akademie der Wissenschaften zu Wien. B. 42. № 3. 1893.
- Tovar 1997 – *A. Tovar*. Estudios de tipología lingüística. Madrid, 1997.
- Trombetti 1925 – *A. Trombetti*. La lingua basca. Bologna, 1925.
- Villanueva 1977 – *F. Márquez Villanueva*. Relecciones de literatura medieval. Sevilla, 1977.
- Villasante 1980 – *L. Villasante*. Sintaxis de la oración simple. Oñate, 1980.
- Wagner 1959 – *H. Wagner*. Das Verbum in den Sprachen der britischen Inseln. Ein Beitrag zur geographischen Typologie des Verbums. Tübingen, 1959.
- Wagner 1978 – *H. Wagner*. The typological background of the ergative construction. Dublin, 1978.
- Wilbur 1970 – *T.H. Wilbur*. Ergative and pseudoergative in basque // *Fontes Linguae Vasconum*. T. 2. 1970. № 4.
- Yrizar 1947 – *P. de Yrizar*. Formación y desarrollo del verbo auxiliar vasco // *Boletín de la Real Sociedad Vascongada de los amigos del País*. T. 3. 1947.
- Yrizar 1948 – *P. de Yrizar*. Formación y desarrollo del verbo auxiliar vasco // *Boletín de la Real Sociedad Vascongada de los amigos del País*. T. 4. 1948.
- Zélikov 1988 – *M.V. Zélikov*. Nuevas aproximaciones acerca del infinitivo vasco // *Fontes Linguae Vasconum*. № 52. 1988.
- Zytzar 1978 – *Yu.Vl. Zytzar*. Sobre el sistema ergativo del vasco (ensayo de una comparación tipológica) // *Fontes Linguae Vasconum*. T. 10. 1978. № 29.
- Zytzar 1994 – *Yu.Vl. Zytzar*. Sobre la categoría del acontecimiento en los idiomas, incluido el vasco (I) // *Fontes Linguae Vasconum*. T. 26. 1994. № 67.